

Посвящается Брайану Букмену

ПРОЛОГ

О том, что случилось в Лондоне вскоре после того, как в Нью-Йорке родились близнецы Джон и Филиппа Гонт

Ужас, как часто бывает, подступил глубокой ночью, когда люди обычно спят. Случилось это страшное происшествие в Лондоне, в обманчиво большом кирпичном правительственном здании в Уайтхолле, расположенном по самому старому и знаменитому адресу в мире. Снаружи, у всем известной чёрной парадной двери, стоял на посту полицейский, вдоль противоположной стороны улицы тянулись другие правительственные здания, в конце её высилось Вестминстерское аббатство, за ним — здание парламента, а ещё дальше текла мутная Темза.

Ночь совсем сгустилась, одна из холодных апрельских ночей последних лет прошлого тысячелетия... В доме 10 на Даунинг-стрит царил тишина. Девочка одиннадцати лет была в комнате одна, но не спала: включив фонарик, она читала под одеялом любовный роман. Её родители,

премьер-министр Великобритании и Северной Ирландии и его супруга, мирно почивали в своей спальне чуть дальше по коридору, а этажом ниже, в комнатке за залом заседаний кабинета министров, бодрствовали сотрудники премьера: начальник службы безопасности и пресс-секретарь. Приблизительно без двадцати час девочка нахмурилась и в некотором замешательстве оторвалась от книги. Ей показалось, что она услышала смех. Приглушённый, но явно девичий смех. Вернее, противное хихиканье.

Странно.

Девочка высунула голову из-под одеяла и прислушалась.

Нет, всё тихо. Почудилось.

Но смех раздался вновь. Девочка отбросила книгу.

Кто тут хихикает? Аж мурашки по спине побежали...

Она решительно встала. Надела халат и, открыв дверь, выглянула в коридор. Похоже, хихикают в родительской спальне.

Кто же это? Точно не мама. Она не так смеётся. А с тех пор как они переехали на Даунинг-стрит, она вообще не смеётся.

Девочка на цыпочках подошла к спальне родителей. Хихиканье внезапно стало громче и даже как-то противнее, но, как только девочка толкнула дверь спальни и ступила внутрь, оно тут же стихло. Пусть на мгновение, но стихло.

Что тут всё-таки происходит?

Мама, съёжившись, с круглыми от ужаса глазами, забилась в угол комнаты. Папа, прямой как доска, сидел на кровати, и глаза у него были закрыты. Дышал он тяжело и часто, раздувая ноздри, точно пробежал изрядное расстояние. Папа был совсем на себя не похож: бледный, пижама мокрая от пота, волосы спутанные и влажные, как пропитанная дождём солома. А потом глаза его вне-

запно открылись, закатились, словно стеклянные шарики, и закрылись снова.

И тут девочка поняла, что в комнате нестерпимо жарко. Как в раскалённой духовке. Она бросилась к окну. Распахнула его настежь. Дотронулась до батареи. Холодная.

Вот так чудеса!

— Мама, что с тобой? — тихонько спросила девочка.

— Со мной-то ничего, — прошептала мать. — А вот с отцом...

Девочка подошла к кровати и отодвинула папиного любимого плюшевого медвежонка Арчибалда.

— Папа? С тобой всё в порядке?

Он продолжал тяжело дышать. Вдруг папины зелёные глаза открылись и упёрлись прямо в неё. И от этого взгляда по спине у девочки побежали мурашки.

— Папа, перестань. Это не смешно. Ты пугаешь маму.

И тут он начал смеяться. Или нет, не он. Это был девичий смех, словно внутри него сидела какая-то незнакомая и неприятная, даже вредная девица.

Кто это? Или... что?

Холодные безжизненные глаза, которые совершенно не соответствовали весёленькому хихиканью, сверлили её ещё несколько секунд, а потом послышался голос — и хозяйке этого голоса было, наверное, не намного больше лет, чем самой дочери премьерера.

— Подать сюда министра внутренних дел! — произнёс голос. — И начальника лондонской полиции. И главного государственного обвинителя сюда живо! И генерального прокурора! Мне срочно нужно кое-кого арестовать и заточить в Тауэр. Немедленно. Сегодня же. Нельзя терять ни минуты.

— Ты никого не можешь заточить в Тауэр, — сказала дочка премьер-министра. — Так теперь не бывает.

Чтобы посадить человека в тюрьму, существуют правила. Законы.

— Тогда соедини меня по телефону с королевой, — сказал голос. — Я хочу принять новый закон. Прямо сейчас. Закон, который разрешит мне кое-кого арестовать и казнить. Сегодня же.

Девочка аж рот разинула от изумления.

— Чего ты ждёшь, тупица? — продолжал голос. — Набирай номер, да побыстрее. Разве ты не знаешь, кто я? Я — премьер-министр. И рот не забудь закрыть. А то ты прямо говорящая золотая рыбка из сказки. Только тупая. Умной будешь, когда рак на горе свистнет.

Перепуганная дочка премьер-министра отпрянула и стала судорожно приглаживать волосы, вставшие от ужаса дыбом.

— И слушай, ты, рыба морда, скажи им всем, что мне не до шуток. А не поймут — пусть пеняют на себя. Я им устрою простейшую демонстрацию своих возможностей. Поняла, рыба морда?

Тут премьер-министр снова захихикал по-девичьи, а его дочь завопила в голос.

* * *

— Всё-таки младенцы — забавные существа, — заметил Нимрод. — Настоящие маленькие зверёныши, верно?

Нимрод прибыл в Нью-Йорк специально, чтобы познакомиться со своими новорождёнными племянниками, Джоном и Филиппой Гонт, и теперь с некоторым ужасом рассматривал близнецов, лежавших в специальном лотке в родильном отделении. Вообще-то младенцев он недолюбливал, не в последнюю очередь потому, что хорошо, даже слишком хорошо помнил первые суматошные, мокрые дни, недели и месяцы

собственной жизни. Какой же это кошмар — быть младенцем! Кстати, для джинн зрелого возраста такие воспоминания вполне характерны: многие из них помнят абсолютно всё, что с ними происходило в любом самом нежном возрасте. И совершенно не способны о чём-либо забыть.

— Нет, правда, презабавные уродцы, — не унимался Нимрод. — Ну почему почти все младенцы напоминают Уинстона Черчилля? Или Бенито Муссолини? Все как один страдают недержанием, крикливы и драчливы, словно галки. Не говоря уж о неуёмном желании быть пупом земли.

Сестра Нимрода Лейла, тоже, как и он, джинн, сидела насупившись на больничной койке и слушала бестактные комментарии брата с растущим раздражением. А близнецы, чувствуя брезгливость и отвращение дяди Нимрода, начали хором подмякивать, точно пара голодных котят.

— К тому же близнецы! — добавил Нимрод погромче, чтобы перекрыть детский писк. — Такая обуза для тебя, сестрёнка. Смотрю я на этих зверёнышей и начинаю верить легенде об основании Рима. Близнецов Ромула и Рема положили в корыто и пустили вниз по реке Тибр, а спасли их волчица и дятел. Кстати, эти двое долбят по ушам не хуже дятлов. А как они клешнями-то размахивают! Прямо как недоваренные омары.

— Это всё, что ты хочешь сказать? — спросила Лейла, терпеливо улыбаясь. — Ты прилетел из Лондона только для того, чтобы наговорить гадостей о моих младенцах?

— Гадостей? Я? Отнюдь! — возразил Нимрод и поднял с пола коробку из-под обуви. — Я, их единственный дядя, привёз им традиционный джинн-подарок: настоящую масляную лампу. Две лампы: по одной на брата. Точнее — на брата и сестру. И заметь, не какие-нибудь оловянные,

с малазийского базара. Эти лампы сделаны из настоящего серебра. Ценные старинные вещи. Времён Османской империи. А интерьерчики внутри угадай чьи? Отделаны щедрой рукой мастера, вашего покорного слуги...

— Вот и отлично! Можешь забрать лампы обратно в Лондон, — сказала Лейла. — Мои дети не будут воспитываться как джинн. Они будут людьми.

— Запали мою лампу, Лейла! — воскликнул Нимрод. — Что ты имеешь в виду?

— То, что слышишь, — ответила его сестра. — Почему бы им не стать людьми? Их отец — человек.

— И очень достойный человек, — сказал Нимрод. — Но эти дети никогда не смогут стать мундусьянами. Ты это прекрасно знаешь.

— Буду признательна, если ты не станешь больше употреблять это слово, — процедила Лейла.

— Мундусьяне?! — воскликнул Нимрод. — Почему нет? Кто же, по-твоему, люди, как не мундусьяне? Послушай, сестрёнка, джинн-сила передаётся по материнской линии, тут уж никуда не денешься. В какой-то момент в недалёком будущем, лет этак через десять-двенадцать, у твоих детей прорежутся зубы мудрости. Тогда произойдёт то, с чем тебе и твоему мужу Эдварду останется только смириться. Лейла, твои близнецы — Дети лампы.

— Буду признательна, если ты об этом забудешь, — сухо сказала Лейла. — И оставишь нас в покое. Навсегда. Я не хочу никаких контактов с миром джинн. С тобой в том числе.

— Замечательно, — сказал её брат, чувствуя себя изрядно уязвлённым. — Только помни: оградив ребёнка от общения с другими джинн, ты всё равно не сможешь оградить его от джинн, что сидит внутри.

В тот же день Нимрод улетел обратно в Лондон.

По возвращении домой он спустился в подвал и принялся заворачивать в газету свой неудавшийся подарок близнецам, серебряные турецкие лампы, поскольку намеревался — до поры до времени — спрятать их в сейф. В этот момент в дверном проёме возник его одорукий дворецкий Джалобин.

— Сэр, в прихожей вас дожидается какой-то человек, — произнёс он, причём слово «человек» в его исполнении звучало так, как другой дворецкий, возможно, сказал бы «свинья» или «гиена». — Он желает поговорить с вами, срочно.

— Он назвал своё имя?

— У меня язык не поворачивается, сэр.

— От страха? Он так ужасен?

— Нет, сэр, я не это имел в виду. Просто я несколько затрудняюсь с произношением.

— Всё-таки попробуйте.

— Слушаюсь, сэр. — Джалобин привёл мысли, губы и язык в боевую готовность и произнёс: — Доктор Ручира П. Варнакуласурия.

— Та-а-ак, Джалобин. Вы, кажется, правы. С полпинка не выговоришь. А что он, собственно, хочет?

— Он не изложил своё дело, сэр. Только сказал, что это важнейший вопрос национальной безопасности. Ах да, ещё он сказал, что вы были знакомы с его отцом, факиром Муруганом.

— Проводите его в библиотеку, Джалобин.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Джалобин и удалился, что-то бормоча себе под нос.

Нимрод же запер масляные лампы в сейф и тоже отправился в библиотеку. Он действительно был знаком с покойным отцом неожиданного посетителя, известным индусским праведником. В знак своей великой веры

и особой святости факир Муруган провёл десять лет жизни, сидя на высоком шесте, причём в его грудь и спину были воткнуты восемь кинжалов. В Индии праведники частенько устраивают такие представления, и Нимрод никогда не мог взять в толк, зачем это нужно, хотя ясно видел, что сами праведники — несмотря на все страдания — совершенно счастливы, а Нимрод был не из тех, кто мешает чужому счастью.

В библиотеке его ждал маленький упитанный человек в синем полосатом костюме, тёмных очках и с красивыми золотыми часами на запястье. Манеры у доктора были безупречные — результат хорошего, дорогостоящего образования, полученного в таких заведениях, как Итонский колледж, школа Гротон, Гарвардский и Лондонский университеты и несколько знаменитых медицинских школ, в том числе в Бирмингеме и Эдинбурге. Увидев Нимрода, гость поклонился, а затем почтительно поцеловал ему руку. Факир Муруган знал, что Нимрод — джинн, и, по всей видимости, сообщил об этом сыну.

После церемонного приветствия доктор сразу перешёл к сути своего дела.

— Простите за вторжение, достопочтенный сэр, — начал он. — Я был вынужден вас потревожить, поскольку возникла серьёзная угроза национальной безопасности.

— Да-да, — кивнул Нимрод, раскуривая сигару. — Джалобин мне передал.

— Сэр, я практикующий врач, весьма успешный, мой кабинет на Харли-стрит. Одна из моих пациенток — жена премьер-министра, миссис Уидмерпул. За много лет знакомства я стал её другом и доверенным лицом. — Доктор Варнакуласурия нервно теребил узел своего галстука, точно был слегка смущён необходимостью упоминать всуе имя столь известного и влиятельного человека.

— Вы меня заинтриговали, — сказал Нимрод, выдувая кольцо дыма, которое тут же приняло форму двух огромных человеческих ушей.

— Очень хорошо! — Доктор Варнакуласурия заметил растворяющиеся в воздухе уши и продолжил, вспомнив о безотлагательности своей миссии: — Сэр, дело состоит в следующем. Я полагаю, что в мистера Уидмерпула вселился джинн, и прошу вас оказать нам любезность и помочь изгнать нечистую силу.

— Изгнать нечистую силу? — удивился Нимрод. — Что заставляет вас думать, что эта нечистая, как вы говорите, сила — именно джинн? А вдруг это демон?

— Мне далеко до моего отца, сэр, — сказал доктор Варнакуласурия. — Однако в пределах моих скромных знаний о джинн я сделал определённые выводы и убеждён, что премьер-министром завладел именно джинн. Например, в спальне, где мистера Уидмерпула в настоящее время удерживают, жарко, а не холодно. Кроме того, я зажёл около его рта спичку, и он её не задул. Вместо этого он как бы втянул в себя пламя губами, как делает человек, когда пьёт чай из блюда.

— Да, это очень точное описание, — кивнул Нимрод. — Что-нибудь ещё? Специфический запах, например?

— Я почувствовал сильный запах серы, — ответил доктор Варнакуласурия.

— Опишите голос, который отвечал, когда вы разговаривали с премьер-министром.

— Это был голос девушки, — сказал доктор. — Даже девочки. Мне показалось, ей лет двенадцать. Образованная. Судя по выговору — американка. Капризная, испорченная, грубая. Раздаёт распоряжения всем подряд и ожидает повиновения, поскольку делает это от лица

премьер-министра. Вначале все приказы были одинаковы: арестовать некоего человека, заточить в Тауэр и отрубить ему голову.

— Вот как? Что за человек? Она упоминала имя?

— Необычное сочетание звуков. Иностранное имя. Похоже на греческое. Вот, я записал. — Доктор Варнакуласурия пошарил в кармане своего жилета и вручил Нимроду визитную карточку с написанным на обороте именем. — Хотя не уверен, что записал без ошибок.

Нимрод посмотрел на визитку и молча положил её в карман брюк.

— Продолжайте, — сказал он. — Вы сказали, что вначале все приказы были одинаковы. А потом чего она потребовала?

— Когда стало ясно, что никто не собирается арестовывать этого человека, приказы изменились. Казалось, теперь они просто предназначены, чтобы дискредитировать мистера Уидмерпула. Чтобы все решили, будто он сошёл с ума. Например, она приказала пресс-секретарю премьер-министра выписать ордер на арест американского президента по обвинению в государственной измене, если тот откажется разорвать Декларацию независимости и немедленно прилететь в Лондон, чтобы принести присягу на верность Её Величеству королеве.

Нимрод усмехнулся:

— Забавная идея. Интересно, насколько это реально. — Он на мгновение задумался. — Скажите-ка, доктор Варнакуласурия, в доме 10 на Даунинг-стрит есть кошка?

— Кошка? Да, кажется, есть. Почему вы спрашиваете?

— Потому что она нам понадобится для изгнания... нечистой силы.

— Так, значит, вы согласны нам помочь?

Нимрод взглянул в окно и улыбнулся.

— Почему бы нет? Сегодня — превосходный день для изгнания нечисти.

* * *

Длинношёрстного чёрно-белого кота, бывшего беспризорника, проживавшего на Даунинг-стрит и питавшего слабость к печеню, звали Бутби. Несмотря на репутацию убийцы невинных птенчиков, Бутби пользовался в доме 10 большим уважением, а досадную неприятность после прибытия на Даунинг-стрит пережил лишь однажды: когда чуть не оказался под колёсами двухтонного пуленепробиваемого «кадиллака» президента Соединённых Штатов. Но теперь настало то самое апрельское утро, и на пути Бутби возник Нимрод.

Переступив порог дома 10, Нимрод потребовал вовсе не встречи с мистером Уидмерпулом — он захотел видеть Бутби. Поскольку кота в прихожей не было, доктор взялся поискать его сам. Нимрода же провели в Колонную залу, куда минут через десять-пятнадцать пришёл и недовольный доктор Варнакуласурия с котом на руках. Доктор вообще не любил котов, кроме того, ему не понравилось, что его сшитый на заказ костюм оказался весь в кошачьей шерсти. Особенно же ему не понравилась царапина, которой наградил его зверь, отчаянно пытаясь вырваться из непрошенных объятий.

— Уй-й! — Доктор слизнул кровь с тыльной стороны ладони. — Скотина какая! Паразит! Да как ты посмел? Мерзкая маленькая тварь!

Он уже готов был дать кошаре хорошего пинка, но Нимрод, понимая настоящую причину кошачьего беспокойства, отобрал животное у доктора.

— Эту комнату часто посещает привидение, доктор, — пояснил он. — Призрак жены премьер-министра